

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

Ольга С. Васильева, Александр М. Мачуха*

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

* E-mail: aleksandrinfo@bk.ru

Актуальность исследования связывается со слабой представленностью в обыденном сознании и недостаточным учетом в научной психологической парадигме конструкта личностной зрелости при высокой значимости его влияния на весь способ организации личностью процесса своей жизнедеятельности и жизни личности в социуме в целом. Личностная зрелость представляется сложным сочетанным психологическим образованием, составляющие которого ориентируют личность к элиминированию в себе психопатологических проявлений в направлении личностного саморазвития и духовного роста; процесс обретения личностной зрелости невозможен без собственной интенциозной в ее ключе ориентированности личности, но здесь также важно и содействие различных социально-педагогических институтов, организующих обучение в русле сохранения и развития различных аспектов здоровья и здорового образа жизни.

Содержание статьи посвящено анализу отдельных проявлений личностной незрелости, их связи с дисгармоничными личностными нарушениями, краткому теоретическому обобщению составляющих психологических характеристик конструкта личностной зрелости и возможностей их инструментального выявления. Акцентируется сложность научного понимания и выявления особенностей личностной зрелости; обращается особое внимание на значимость этого личностного образования для возрастного периода молодости.

Ключевые слова

личностная зрелость, личностное развитие, личностный рост, критерии зрелости, психология сингулярности, личностные нарушения, психопатическая личность, невротическая личность, нарциссизм, психологический инфантилизм

Для цитирования: Васильева О. С., Мачуха А. М. Проблема изучения личностной зрелости в психологии // Северо-Кавказский психологический вестник. 2019. № 17/2. С. 26–36.

PSYCHOLOGICAL ISSUES IN STUDYING PERSONAL MATURITY

Olga S. Vasilyeva, Aleksandr M. Machukha*

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author. E-mail: aleksandrinfo@bk.ru

Personality maturity has a considerable impact on the way individuals organize their life activity and life in society as a whole. However, the construct of personal maturity is poorly represented in everyday consciousness and still remains understudied in psychology. Personal maturity appears to be a complex psychological construct, which components orient individuals towards eliminating psychopathological manifestations in themselves, as well as towards personal self-development and spiritual growth. The process of personal maturity is impossible without personal intentional orientation. Various social and educational institutions that encourage individuals maintain and develop various aspects of health and healthy lifestyle are also important.

This paper analyzes individual manifestations of personal immaturity, their associations with disharmonious personal disorders, a brief theoretical generalization of psychological characteristics of the construct of personal maturity, and the possibilities for their identification. Particular emphasis is placed on difficulties in scientific understanding and identification of the characteristics of personal maturity and on the importance of this personal construct for the period of youth.

Keywords

personal maturity, personal development, personal growth, maturity criteria, psychology of singularity, personality disorders, psychopathic personality, neurotic personality, narcissism, psychological infantilism

For citation: Vasilyeva O. S., Machukha A. M. Psychological issues in studying personal maturity. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2019, no. 17/2, pp. 26–36 (in Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения проблематики личностной зрелости в психологии обусловлена тотальностью влияния процессов незрелости/зрелости на психическое развитие и состояние индивида, на качественные характеристики его активности и адаптации. Но если показатели биологической незрелости/зрелости очевидны для большинства людей, проявляют себя в периоды возрастного развития и особенно заметны ко времени взросления человека и его вхождения во взрослую жизнь, то для боль-

шинства людей именно личностная зрелость не выступает самостоятельным критерием оценивания. Однако и здесь постепенно накапливаемое общественное мнение о человеке может выделять у него те или иные индивидуально характеризующие его «отклонения» от «других»: эти вещи обсуждаются как впечатления о нем соседей, сотрудников и др., обывателями фиксируется конфликтность человека, непоследовательность его поступков, заносчивость, вздорность и т. д. Но системному анализу подобное поведение чаще всего (до поры) не под-

вергается, и здесь даже специалистами из различных областей человекознания (педагоги, социологи, психологи, юристы, политологи, руководители подразделений, нередко врачи различных специальностей, в том числе психиатры и т. д.) не производится обобщающий вывод о степени личностной деформации, или, наоборот, – глубины и широты личности, что как раз прямо связано с уровнем личностной зрелости. Особую актуальность проблематика личностной зрелости, ее становления и развития, имеет в молодости, когда открываются (или, в связи с отсутствием стремления человека к личностному развитию и росту, – закрываются) многие жизненные «дороги» (семьи, карьеры, акмеологического становления, в целом – качественной постановки смыслов и реализации всех жизненных целей и планов).

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Как ряд «сквозных» феноменов, таких как здоровье, счастье, удовлетворенность жизнью, любовь и т. д., личностная зрелость для большинства обывателей представляется чем-то имманентным: «либо она есть, либо ее нет». Но, в отличие от большинства перечисленных выше и близких к ним эпифеноменов, личностная зрелость как собственный конструкт широкой публикой часто не обсуждается, и здесь нередки обобщения: «взрослый, значит и личностно зрелый». В связи с этой «бытовой» парадигмой анализ личностной зрелости как отдельного психологического конструкта нередко не оказывается в поле зрения большей части психологов-профессионалов. Кроме того, любое из названных явлений (любовь, счастье и ряд других) настолько дискурсивны в их семантической и смысловой неопределенности для восприятия учеными, насколько они могут выступать и темами для споров в «кухонных беседах» неспециалистов. При этом анализ показывает, что соматическое здоровье для не медиков чаще всего выступает наличествующим состоянием, в то время как для врачей и непосредственно его изучающих – постоянным «деланием» этого здоровья, т. е. активным процессом [1]. Для многих людей категория счастья, благополучия и удовлетворенности жизнью часто синонимичны, но изучающие эти процессы

специалисты их строго разводят и расставляют акценты в специфике переживаний этих явлений для разных категорий людей (так, по данным Б. К. Баймухановой [2], глубоко верующие люди гораздо чаще считают себя счастливыми). Под любовью понимается очень широкий круг явлений, и это находит свое глубокое отражение уже в языке: от «заниматься любовью» до – «любить поест» или «любить свое дело».

И если для указанных явлений (здоровье, счастье, любовь и др.) дефиниция «состояния» все более переходит в дефиницию «процесса», то личностная зрелость в еще большей своей выраженности является результатом «действия». При этом, если такие феномены, как любовь, здоровье, счастье и ряд других, могут быть отнесены к сингулярным, и их описание очень многомерно, то конструкт личностной зрелости в настоящее время более или менее определен, но саму личностную зрелость как явление также сближает с сингулярными процессами и состояниями «наращивание» у человека желания и возможности ими управлять. Кроме того, именно реализация этого управления как перманентного процесса и состояния одновременно и развивает внутренний мир личности и ведет к росту индивидуальности в ее аутентичности.

Проявление личностной незрелости у отдельных ее членов, хотя и неприятны для других людей (это и глубочайшая убежденность нетрезвых людей, садящихся за руль, в том, что «со мной ничего не случится», корни которой в инфантильно-нарциссическом чувстве детского всемогущества, и эгоизм молодых мам, полностью игнорирующих не всегда безопасное поведение своих детей на детской площадке, и т. д.), но при прохождении обществом серьезных кризисов, к числу которых может быть отнесено, например, его экономическое и социальное расслоение, схожие с перечисленными поведенческие реакции выглядят особенно неприемлемо. Такое и подобное ему поведение вскрывают внутреннюю пустоту личности, нередко ее зависимое поведение – от самоутверждения властью, деньгами и пр., рентную установку человека в отношении всего общества в целом (см. [3, 4]).

Поведенческие инфантильные реакции других людей нам, как правило, приятны и вызы-

вают умиление, если это образы художественных героев, особенно если сюжет комедийный. Это и Людмила в «Королеве бензоколонки», и Тося Кислицина в «Девчатах», и Душечка в «Джазе только девушки», и Тоня Царько в «Ликвидации». Образы таких девушек, особенно у мужчин, своей непосредственностью вызывают желание покровительства (а в подоплеке – ожидание более высокой их доступности). Мужские же образы (например, Эдик Пинкин в «Шулере»), как равно и целостно-семейные образы (Олег, а также вся семья Бобровых в сериале «СуперБобровы») чаще всего вызывают милую симпатию, истинная основа которой зачастую проста: «ну это совсем на меня не похоже». В жизни же частичный инфантилизм часто ведет к внутрисемейным (да и во всех иных сферах жизнедеятельности) конфликтам. А именно в парциальной форме чаще всего можно наблюдать проявления инфантилизма: жена, не способная готовить или заниматься домашним хозяйством, в основном, потому, что всю ее жизнь это делала мама (но главное состоит в том, что по определенным причинам девочка не идентифицировала себя с нею, и у нее не в полной мере развита достаточная гендерная ролевая идентичность), привыкший к симбиотическим отношениям мужчина, не стремящийся заботиться о материальном благополучии своей семьи, – жизнь же в целом содержит очень богатый список аналогичных примеров.

Недостаточная личностная зрелость человека далеко не всегда имеет свои проявления в инфантилизме и далеко не всегда так очевидна в быту или в близком общении, но именно здесь ее пагубность одновременно и очевидна, и достаточно быстро заметна по своей негативной результативности.

Значительно хуже обстоит дело, когда человек с ее проявлениями обретает те или иные властные полномочия, и в этой связи проблема воспитания нового поколения молодежи, способного взять на себя ответственность за будущее страны, актуальна для нас на эпохальном уровне: нарастающая кризисность мирового сообщества накладывает на множество нерешенных экономических и социальных проблем внутри нашей державы, а социально-экономическое расслоение людей внутри страны все

более укрепляет состояние отчаяния и безнадёжности у широких масс населения. При этом идеологические послы 20–30-х гг. прошлого столетия, благодаря которым полуголодные, но желающие счастливого будущего для себя и своих детей (и верящие в него) народные массы произвели коллективизацию сельского хозяйства и индустриализацию всей страны, что позволило преодолеть все тяготы ВОВ и ее последствий, уже вряд ли работают.

Формация современного общества, как социально-культурной, да в целом и психологической и экономической систем, – это общество постмодернизма.

Искажение философских идей постмодернизма (обзор по [5, 6] и др.), как и ряда глобальных, изначально направленных на понимание природы человека, глубоких научных идей (трансформация дарвинизма в социальный дарвинизм и национал-шовинизм, редукция психоанализа до человеческого стремления к принципу удовольствия, а идей бихевиоризма – до манипулятивности в раскладывании товаров на полках супермаркетов) привели к стойкому извращению понимания социальной реальности и всей природы человека. Это и концепт множественности истин Ж.-Ф. Лиотара, «приведенный» до идей допущения гомосексуальных браков и отрицания национальной идентичности (мультикультурализма); и концепт ризомы Ж. Делёза – Ф. Гваттари, редуцированный до отрицания ряда бинаров, в том числе и «нравственное – безнравственное»; и лакановская идея желания (вытесненного конфликта, вины, отрицания как присутствия Другого), переведенная в фарс потребительства («все для Вашего желания и за Ваши деньги»); и – идея бриколажа К. Леви-Стросса как художественного стиля, переведенная в циничное и бездумное смешение стилей, смыслов, идей, ценностей; и концепт иронии с ее обесцениванием достижений прошлого. Сюда же примыкают концепт деконструкции (Ж. Деррида), концепт симулякров (Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз) и концепт «общества спектакля», что в своей совокупности нашло себя и в отрицании индивидуальности с высокой готовностью (как следствие) принятия обществом «Окон Овертона», и в готовности к тому, что мы чаще лишь «зрители», а не «участники» жизни Других и нашей собственной,

и к ряду других «деиндивидуализаций» современного человека.

Базируясь на таком новом философском понимании человека современности, всё это давно используется с выгодой для себя определенными (властными) слоями общества и распространило свое применение уже не на отдельные страны, а на весь мир, особенно если страны эти не объединены внутри себя строгими национальными традициями, жесткой идеологией или национальной и религиозной идеями.

Именно в этой связи современному обществу, особенно отечественному, требуются люди, обладающие не только широким спектром профессиональных знаний и навыков, но и глубоко психологичные, пронизательные, широко образованные, хорошо разбирающиеся в общественно-политических процессах и ситуациях, и, кроме того, имеющие глубокие потенциалы личностного развития и самостановления. Но самое главное требование к ним – наличие патриотизма и нравственной целостности. Фактически – это те качества, которые возвращают нас к своим национальным корням и идентичности с наиболее яркими представителями нашей Родины. И именно такие персональные характеристики в своей основе отражает концепт личностной зрелости.

Согласно психоаналитическим представлениям, линия «патология – здоровье личности» представлена следующим образом: могут быть выделены клинические случаи психотической личности (прежде всего шизофрения; отдельно здесь стоят больные с эндо- и экзогенными нарушениями ЦНС различной этиологии); к психотическим личностям «примыкают» так называемые «бордерлины» («пограничники»; иногда их называют психопатизированными личностями); правее на этой оси располагаются лица с невротическим развитием, и на самом правом «краю» – условно здоровые лица (примерно схожей «оси» придерживается и отечественная психиатрия, говоря, впрочем о том, что к «пограничной (малой) психиатрии» относятся и психопаты, и все больные неврозами, в том числе и лица с астеническими состояниями) (анализ по [7, 8, 9, 10, 11]).

Однако, как на это указывают отдельные авторы [12], на самом деле все выглядит значи-

тельно сложнее, и здоровых людей практически не бывает, а «включения» тех или иных нарушений (как и вполне «здоровые» проявления) можно наблюдать фактически у всех людей вне зависимости от их соотношенности к условно выделенной выше шкале норма/патология, которая всегда условна и зависит от научной парадигмы участвующего в дискурсе о здоровье.

Наиболее простой дифференциацией для нормоцентрического подхода является отделение категории психического «нездоровья», и здесь в рамках патопсихологии инструментально (с помощью разнообразного, иногда весьма ограниченного как «необходимо достаточного» тестового материала) можно легко выделить людей с психопатическими нарушениями и невротическим развитием личности (см., в частности, [13] и др.).

Однако общество устроено таким образом, что даже психопаты, если они по вполне конкретным причинам не попали в поле зрения психиатрических организаций (например, «косящие» от армии и вставшие в этой связи на диспансерный учет), могут легко получать справку об уровне своего «достаточного» здоровья и, например, иметь водительское удостоверение (правда, все проверки на право ношение оружия, службы в МВД и прочих схожих структурах в нашей стране достаточно строги).

Условность границ патология/норма объясняется также и национальными особенностями: так, эпилептоидная акцентуация (с ее агрессивной «вязкостью») признается только в нашей стране и во Франции: если в США, Германии, Британии, Австралии, Ирландии, Канаде и ряде других стран мужская, а нередко, и женская «брутальность» приветствуются, то такое заострение характера, «естественно», никак не может быть означено в качестве личностной патологии [14].

Как это подчеркивает О. Н. Павлова [15], особо означенной и почти ключевой в современном обществе выступает проблема нарциссизма: по сути, все наше существование здесь проходит под насаждаемыми массмедиа слоганами типа «ты самая лучшая», «этот автомобиль предназначен только для самого крутого мужчины» и т. д.

Американская психиатрическая ассоциация (см. [16]) выделяет 9-ти ключевых признаков нарциссизма, но лишь одновременное наличие 5-ти из них на протяжении не менее чем полугодия позволяет в США ставить такой диагноз. В отечественной же психиатрии такого диагноза вообще не выделяется, и это, скорее всего, связано с тем, что она более ориентирована не на личность (как психология), а на лечение, и при этом, преимущественно, на медикаментозное.

Нарциссизм – это, по Д. Винникотту, «фальшивое селф» (см. [4]), при котором человек старается скрыть свое истинное Я, понимая, что оно не соответствует тому образу, который человек демонстрирует. Далее все это закрепляется, и уже сам человек становится уверен в том, что «если я занимаю это место, то я его достоин», или – «если я заработал так много, то, значит, я умнее других», и т. д. И если психопатия и невротическое развитие – это преимущественно продукты первичных объектных отношений [17] и воспитательной парадигмы [18], то нарциссизм, имея «закладки» в детстве, может «находить себя» и во взрослом возрасте в процессе искаженной социализации (см. [11, 19, 20]). При этом Х. Кохут [21] считает нарциссизм «подложкой» всех личностных нарушений.

У. Р. Бион [22], обсуждая психотическую личность, указывает на то, что такой человек относится к другим людям как к неживым вещам. Близкое к этому отношение демонстрируют и психопаты: по ряду наблюдений они не способны к эмпатии и любви, они постоянно ориентированы только на использование других людей и собственную выгоду и т. д. [18]. При этом основные проблемы невротической личности связаны с зависимостью от отношений [23], нарциссической (если здесь нет сильной связи с другими личностными нарушениями), – доказательством всем и себе, что «я достоин», «я лучший» [10].

Как следствие, в подавляющем большинстве случаев личность, имеющая подобные нарушения своего развития, будет постоянно в процессе своей жизни «отрабатывать» имеющийся у нее жизненный сценарий и, как следствие, будет не способна на решение глобальных вопросов, лежащих вне рамок ее эгоизма и эгоцентризма.

Таким образом, если психоанализ – это своеобразное «движение человека снизу», из нерешенной проблематики детства, то формирование здорового целеполагания и жизнеутверждающих смыслов, не идущих вразрез с христианской (или общечеловеческой) моралью, – это «движение сверху» в процессуальном векторе от личностной стагнации к ее росту. При этом, изначально, чем здоровее личность, тем больше вероятность того, что она не «скатится» рано или поздно в процессе своего «движения к цели» в решение своих личностных проблем, что блокирует или исказит всю декларируемую ею социальную полезность. Да и сам вопрос качественных характеристик целеполагания, как следствие, необходимо связывать с проблемой личностной зрелости и психологического здоровья личности.

В этой связи, безусловно, также актуально и исследование, и формирование у молодых людей, ориентированных на управленческую деятельность, психологической (личностной) зрелости как основы «вершения» «дел государственных». И здесь, если психологическое здоровье (психическое здоровье – это отсутствие явной патологии) – это процесс «делания» (как и процесс здоровья вообще: здоровье – это не просто «заданность», а именно «делание» как процесс), это процесс движения, даже не всегда в полной мере осознаваемый (скорее как привычка), то личностная зрелость – это, больше, статичное состояние, «уже сделанность», однако требующее постоянного самоконтроля, рефлексии и самокоррекции.

При этом, если аспекты психического здоровья отчасти детерминированы генетически (сила и сбалансированность нервной системы) и во многом зависят от качества первичных объектных отношений (с материнским объектом и далее – триангулярных, включающих отношения с отцом как с фигурой, уже отличной от материнской), то аспекты психологического здоровья во многом могут быть определены особенностями воспитания, самовоспитания и всей социализации личности, на что существенное влияние оказывают социальные средовые факторы. И главными здесь оказываются организации, оказывающие педагогическое воздействие – школа, иные учебные и развивающие учреждения, и, тем более, вузы, а также

все иные агенты, оказывающие организованное психологическое воздействие на человека (психологические и социально-психологические группы и тренинги, коуч-группы и т. д.; здесь проявляется их особая ответственность).

В настоящее время отмечается существенный интерес к проблеме личностной зрелости в психологии, и имеется немалое число работ, обобщающих мнения различных ученых по этому вопросу.

Так, например, Л. Л. Скворцова [24], проведя анализ различных концепций личности, выделяет 14 обобщающих критериев личностной зрелости:

1) *идентичность* как чувство адекватности и стабильности владения личностью своим Я, вне зависимости от изменений ситуации и самой личности (Э. Фромм, Э. Эриксон, И. А. Шляпникова, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова);

2) *автономия* как механизм личностной саморегуляции и самодетерминации, реализуемый в виде осознанных выборов способов действия, одновременно учитывающий внешние обстоятельства и стремления человека (К. Роджерс, Э. Фромм, Э. Гринбергер, Ф. Перлз, Р. Кеган, К. А. Абульханова, Д. А. Леонтьев, А. Л. Журавлёв, С. К. Нартова-Бочавер);

3) *осмысленность* как видение смысла и переживание субъективной значимости предметов и событий, выстраивание собственной системы ценностей, жизненной перспективы и стратегических целей (Г. Олпорт, К. Роджерс, В. Франкл, Д. А. Леонтьев, Е. Е. Сапогова);

4) *ответственность* как признание авторства своих поступков и их последствий (Ф. Перлз, А. Г. Асмолов, В. М. Русалов, Л. И. Дементий, А. А. Реан, К. А. Абульханова, А. Л. Журавлев);

5) *жизнестойкость* как умение противостоять стрессу с сохранением внутренней сбалансированности и успешности деятельности (Г. Олпорт, А. Адлер, А. Маслоу, С. Кук-Гройтер, Е. Е. Сапогова);

6) *рефлексивность* как средоточие внимания на своем сознании, поступках, своей активности и их осмысление и переосмысление (К. Роджерс, Г. Олпорт, Ф. Перлз, А. Ленгле, Л. И. Анциферова, Н. Е. Харламенкова);

7) *позитивное самоотношение* как ощу-

щение своей ценности, принятие и вера в себя (Г. Олпорт, А. Маслоу, А. Ленгле, Е. С. Штепа);

8) *духовность* как ориентированность на высшие человеческие ценности (А. Маслоу, А. А. Бодалев, В. М. Русалов);

9) *коммуникативная компетентность* как способность устанавливать и поддерживать социальные связи и отношения (Ф. Перлз, Э. Гринбергер, А. Адлер);

10) *интимность* как способность к состраданию и построению теплых близких взаимоотношений (А. Адлер, Э. Фромм, Э. Эриксон, Г. Олпорт);

11) *социальная активность* как способность к производству социально значимых преобразований (А. Адлер, Г. Олпорт, Э. Фромм, Э. Гринберг, В. М. Русалов, К. А. Абульханова, Е. Е. Сапогова);

12) *саморазвитие* как способность к улучшению себя и своей жизни (А. Маслоу, К. Роджерс, Дж. Келли, Г. Олпорт, Е. Е. Сапогова, А. А. Реан);

13) *межличностная толерантность* как способность признавать и уважать права других людей на проявление их индивидуальности (Г. Олпорт, Э. Гринберг, Е. С. Штепа, А. А. Реан);

14) *интеллектуальный потенциал* как возможность восприятия информации и принятия эффективных решений (Г. Олпорт, А. Маслоу, С. Кук-Гройт, Дж. Левинджер).

Проблема личностной зрелости продолжает привлекать внимание исследователей (см., например, [25, 26]). Вместе с предлагаемой методологией по изучению отдельных компонентов личностной зрелости – жизнестойкости, осмысленности жизни (в рамках смысложизненных ориентаций), рефлексивности, ответственности и т. д. – отдельными авторами разработаны и предложены методики для ее комплексного анализа [27, 28]. Но и здесь остается целый ряд нерешенных вопросов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сам концепт личностной зрелости как психологического явления в широкой степени обширен, и каждое из уже выделенных (но со всей очевидностью могут быть и другие) ее проявлений (механизмы саморегуляции и самодетерминации личности, ее ответственность, способность любить не только во фроммовском понимании, «отдавая себя», отдавая субъекту

любви именно необходимые ему аспекты заботы, но – и как прямое выражение интимности с Другим, немислимой без психологической интимности с собой [29], – способность к саморазвитию, жизнестойкость, смыслотворчество как стремление к высшим и духовным смыслам, и т. д.) являются предметами глубокого осмысления. И сам процесс этого осмысления не одномоментен и не конечен, и, естественно, дискуссивен с точки зрения различных научных подходов и парадигм их понимания.

Объединение различных «входящих» в личностную зрелость проявлений и характеристик, скорее всего, и множественно в «схеме» своего объединения (т. е. совокупное наличие лишь некоторых из них вряд ли может быть понято именно как личностная зрелость, но уже их наличие задает интенции развития личности), и глубоко индивидуально для каждого человека в срезе качественно-количественного объединения этих отдельных явлений и их выраженности, и синергично, в плане не их суммы, а взаимоувеличения.

Со всей очевидностью проявления личностной зрелости глубоко индивидуальны для каждого человека и зависят от уровня его психического и психологического здоровья, но – в более существенной степени – также от его собственного стремления к личностному саморазвитию и росту. При этом чрезвычайную роль в становлении личностной зрелости имеют процессы педагогического участия внешних институтов (семьи, образовательных учреждений, трудового коллектива и т. д.) и всего опыта социализации человека. Также необходимо иметь в виду, что на процесс становления личностной зрелости оказывает непосредственное участие весь жизненный опыт индивида и мудрости пережитого, однако если человек не выказывает должной заинтересованности в аспектах внутреннего самопоиска, то «работа» всех перечисленных социальных институтов может оказаться малорезультативной.

Широта и глубина явлений, образующих психологическую зрелость, делает весьма затруднительным их изучение с помощью наличествующего в психологии инструментария, что, однако, никак нельзя ставить укором авторам, уже разработавшим тестовую или иную исследовательскую базу для анализа отдель-

ных «составляющих» личностной зрелости (как, например, жизнестойкости, осмысленности, локуса контроля и т. д.) и продолжающих аналогичную деятельность. И дело здесь не только в том, что различные люди характеризуются различной психологической самопроницаемостью, и не всем и не всегда оказывается понятен смысл отдельных используемых в методике вербальных конструкций (в этой связи ряд из них нередко упрощается авторами методик), но также – и сложностью соотношений означаемого и означающего. И здесь само означаемое очень сложно и специфично как психологическое явление, а множественность его коннотатов может оказаться слишком неточной для отображения сложности самого денотата, отражающего «входящие» для личностной зрелости.

Тем не менее, научное изучение, в том числе таких сложных явлений, как личностная зрелость, крайне необходимо даже на уровне накопления знаний о них, т. к. рано или поздно количество переходит в качество, а особенностью феномена личностной зрелости, даже для атеистически настроенных лиц, является возникающая у человека возможность организовать собственную личность не только по подобию, а и по образу Бога, и, если мы его так старательно «убиваем» уже примерно с конца XVIII столетия, то Бог нужен нам хотя бы в качестве нашего непогрешимого Я-идеала, т. е. самого лучшего для всего человечества образа Я-идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куликова И. В. Особенности эмоционального компонента внутренней картины здоровья у врачей и людей без медицинского образования // Сборник статей конференции. Самара: Офорт, 2015. С. 105–107.
2. Баймуханова Б. К. Понятие «счастье» и его психологические особенности // Вестник науки и образования. 2018. № 17–1(53). С. 111–113.
3. Васильева Е. А. К постановке проблемы зависимого поведения // Научный альманах. 2016. № 4–4(18). С. 201–206.
4. Соколов С. Е. Человек в пустоте. Пустота в человеке // Вестник психотерапии. 2006. № 16. С. 136–146.
5. Емелин В. А. Лабиринты постмодернизма: идентификация ускользающего смысла //

- Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 65–76.
6. Кафтан В. В. Постмодернистские основания репрезентации современной войны // Гуманитарные науки. Вестники Финансового университета. 2015. № 3(19). С. 58–65.
  7. Александровский Ю. А. Пограничные психические расстройства. М.: Медицина, 2000.
  8. Grinberg L. An approach to understanding borderline disorders // *Borderline Personality Disorders*. New York: International Universities Press, 1977.
  9. Grotstein J. The psychoanalytic concept of the borderline organization // *Advances in Psychotherapy of the Borderline Patient*. New York: Jason Aronson, 1979.
  10. Kernberg O. *Borderline conditions and pathological narcissism*. New York: Jason Aronson, 1975.
  11. Schwartz-Salant N. The dead self in borderline personality disorders // *Pathologies of the Modern Self*. New York: New York University Press, 1987.
  12. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
  13. Рубинштейн С. Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике. Практическое руководство. М.: Апрель-Пресс, Психотерапия, 2007.
  14. Бурно М. Е. О характерах людей. М.: Академический проект, 2018.
  15. Павлова О. Н. Цивилизационный феномен нарциссизма: векторы объективизации в парадигме психоанализа // *Вопросы философии*. 2010. № 6. С. 20–32.
  16. Шамшикова О. А., Клепикова Н. М. Операционализация понятия «нарциссизм» в пределах психической нормы // *Мир науки, культуры, образования*. 2011. № 3(28). С. 151–158.
  17. Stern D. *The Interpersonal World of the Infant: A View from Psychoanalysis and Developmental Psychology*. New York: Basic Books, 1985.
  18. Johnson S. *Characterological transformation: The hard work miracle*. New York: Norton, 1985.
  19. Johnson S. *Humanizing the narcissistic style*. New York: Norton, 1987.
  20. Kohut H. *The Analysis of the Self*. New York: International Universities Press, 1971.
  21. Kohut H. Thoughts on narcissism and narcissistic rage // *Psychoanalytic Study of the Child*. 1972. 27. P. 360–400.
  22. Bion W. R. Development of schizophrenic thought // *International Journal of Psychoanalysis*. 1967. Vol. 37. P. 344–346.
  23. Шаниро Д. *Невротические стили*. М.: ИОИ, 2016.
  24. Скворцова Л. Л. Сравнительный анализ имплицитных концепций личностной зрелости // *Збірник наукових праць академії післядипломної адукації*. 2016. № 14. С. 380–395.
  25. Лишаев С. А. От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: философия, филология*. 2016. № 2(20). С. 110–132.
  26. Бондаренко О. В. О компонентах понятия «личностная зрелость» // 1st European Conference on Education and Applied Psychology (15 октября 2017). Hamilton, Canada, 2017. С. 8–12.
  27. Руженков В. А., Руженкова В. В., Лукьянцева И. С. Методика диагностики личностной зрелости // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина*. 2016. Вып. 36, № 26 (247). С. 65–70.
  28. Смельцова А. С., Щукина М. А. «Личностная зрелость руководителя»: разработка и первичная психометрическая проверка опросника // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2018. № 2. С. 102–112.
  29. McWilliams N. *The psychology of the altruist* // *Psychoanalytic Psychology*. 1984. Vol. 1. P. 193–213. DOI: [10.1037/h0085103](https://doi.org/10.1037/h0085103)

REFERENCES

1. Kulikova I. V. Features of emotional component of subjective pattern of health in physicians and individuals without medical education. In: *Sbornik statei konferentsii* [Collection of articles of the conference]. Samara, Ofort Publ., 2015, pp. 105–107.
2. Baimukhanova B. K. The concept of happiness and its psychological characteristics. *Vestnik nauki i obrazovaniya – Bulletin of Science and*

- Education*, 2018, no. 17–1 (53), pp. 111–113 (in Russian).
3. Vasil'eva E. A. Formulating the problem of dependent behavior. *Nauchnyi al'manakh – Scientific Almanac*, 2016, no. 4–4 (18), pp. 201–206 (in Russian).
  4. Sokolov S. E. A man in emptiness. Emptiness in a man. *Vestnik psikhoterapii – Bulletin of Psychotherapy*, 2006, no. 16, pp. 136–146 (in Russian).
  5. Emelin V. A. Labyrinths of postmodernism: identification of an elusive meaning. In: *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2010, no. 3, pp. 65–76.
  6. Kaftan V. V. Postmodern foundations of the representation of modern warfare. Gumanitarnye nauki. *Vestniki Finansovogo universiteta – Humanities. Bulletin of the Financial University*, 2015, no. 3 (19), pp. 58–65 (in Russian).
  7. Aleksandrovskii Yu. A. *Pogranichnye psikhicheskie rasstroistva* [Borderline mental disorders]. Moscow, Meditsina Publ., 2000.
  8. Grinberg L. An approach to understanding borderline disorders. *Borderline Personality Disorders*. New York, International Universities Press, 1977.
  9. Grotstein J. The psychoanalytic concept of the borderline organization. *Advances in Psychotherapy of the Borderline Patient*. New York, Jason Aronson, 1979.
  10. Kernberg O. *Borderline conditions and pathological narcissism*. New York, Jason Aronson, 1975.
  11. Schwartz-Salant N. The dead self in borderline personality disorders. *Pathologies of the Modern Self*. New York, New York University Press, 1987.
  12. Mc-Williams N. *Psychoanalytic diagnostics: understanding personality structure in the clinical process*. Moscow, Klass Publ., 1998 (in Russian).
  13. Rubinshtein S. Ya. *Eksperimental'nye metodiki patopsikhologii i opyt primeneniya ikh v klinike. Prakticheskoe rukovodstvo* [Experimental methods of pathopsychology and the experience of their use in the clinic (practical guide)]. Moscow, Aprel'-Press, Psikhoterapiya Publ., 2007.
  14. Burno M. E. *O kharakterakh lyudei* [On the characters of individuals]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018.
  15. Pavlova O. N. The civilization phenomenon of narcissism: Objectivization vectors in the paradigm of psychoanalysis. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 6, pp. 20–32 (in Russian).
  16. Shamshikova O. A., Klepikova N. M. Operational definition of narcissism within the mental norm. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture, and Education*, 2011, no. 3 (28), pp. 151–158 (in Russian).
  17. Stern D. *The interpersonal world of the infant: A view from psychoanalysis and developmental psychology*. New York, Basic Books, 1985.
  18. Johnson S. *Characterological transformation: The hard work miracle*. New York, Norton, 1985.
  19. Johnson S. *Humanizing the narcissistic style*. New York, Norton, 1987.
  20. Kohut H. *The analysis of the self*. New York, International Universities Press, 1971.
  21. Kohut H. Thoughts on narcissism and narcissistic rage. *Psychoanalytic Study of the Child*, 1972, 27, pp. 360–400.
  22. Bion W. R. Development of schizophrenic thought. *International Journal of Psychoanalysis*, 1967, V. 37, pp. 344–346.
  23. Shapiro D. *Nevroticheskie stili* [Neurotic styles]. Moscow, IOI Publ., 2016.
  24. Skvortsova L. L. Comparative analysis of implicit concepts of personal maturity. *Zbornik navukovykh prats akademii paslyadyplomnai adukatsyi (Collection of Scientific Works of the Academy of Postgraduate Education)*, 2016, no. 14, pp. 380–395 (in Russian).
  25. Lishaev S. A. From childhood to maturity: the phenomenon of youth prolongation and modernity. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: filofiya, filologiya – Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series Philosophy, Philology*, 2016, no. 2 (20), pp. 110–132 (in Russian).
  26. Bondarenko O. V. O komponentakh ponyatiya "lichnostnaya zrelost'" [The components of the concept of personal maturity]. *1st European Conference on Education and Applied Psychology* (October 15, 2017). Hamilton, Canada, 2017, pp. 8–12.
  27. Ruzhenkov V. A., Ruzhenkova V. V., Luk'yantseva I. S. Diagnostics of personal maturity. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Reports of*

- Belgorod State University. Series Medicine*, 2016, Issue 36, no. 26 (247), pp. 65–70 (in Russian).
28. Smel'tsova A. S., Shchukina M. A. A Leader's Personal Maturity: Development and initial psychometric verification of the questionnaire. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Bulletin of Vyatka State Humanitarian University*, 2018, no. 2, pp. 102–112 (in Russian).
29. McWilliams N. The psychology of the altruist. *Psychoanalytic Psychology*, 1984, V. 1, pp. 193–213. DOI: [10.1037/h0085103](https://doi.org/10.1037/h0085103)